

Загоскин Михаил Николаевич

Тоска по родине

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Николаевич З.**
Тоска по родине / Загоскин Михаил Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2023. –
238 с.

ISBN 978-5-519-85458-0

ISBN 978-5-519-85458-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Тоска по родинѣ.

Что-бъ ни сулило вамъ воображенье
ваше,
Не вѣрьте, той земли не сыщете вы
краше,
Гдѣ ваша мила, иль гдѣ живетъ вашъ
другъ.

‘ Крыловъ.

I.

Петербургъ не избалованъ хорошею погодою, но на этотъ разъ время было прекрасное: чистое небо, теплый воздухъ и свѣтлое солнце, которое пекло точно такъ же, какъ оно печетъ и жаритъ народъ Божій и въ Римѣ, и въ Неаполѣ, и въ Тегеранѣ, и даже на *благословенныхъ* берегахъ Гангеса, гдѣ подлинно былъ бы рай земной, если бъ днемъ можно было не задыхаться отъ жары, а ночью спать, не опасаясь, что какой-нибудь стоножникъ, скорпионъ или ядовитый клопъ помѣшаютъ вамъ на другой день проснуться. Это было въ маѣ мѣсяцѣ, въ тысяча... въ тысяча... Нѣтъ! рѣшительно не помню, въ которомъ году; но если скажу, что тогда существовала еще деревянная церковь Казанской Божіей Матери, и красноватая стѣны Адмиралтейства до половины были закрыты землянымъ валомъ, то, вѣроятно, мои читатели догадаются, что это было не вчера.

Вотъ этакъ, часу въ шестомъ послѣ обѣда, когда сильный зной сталъ примѣтнымъ образомъ уменьшаться, отъ Гагаринской пристани отчалилъ шестивесельный катеръ. Въ катерѣ сидѣло двое молодыхъ людей: одинъ въ синемъ однобортномъ сюртукѣ, другой въ морскомъ вицмундирѣ; первый—вашъ покорнѣйшій слуга, а второй—пріятель мой, баятійскаго флота лейтенантъ Иванъ Алексѣевичъ Бурминъ. Если вы рѣшились прочесть до конца этотъ истинный разсказъ, то вамъ непременно надобно познакомиться короче съ молодымъ человѣкомъ въ синемъ сюртукѣ, то-есть со мною.

Меня зовутъ Владиміромъ Сергѣевичемъ Завольскимъ; я отставной гвардіи штабсъ-капитанъ; мнѣ двадцать восемь лѣтъ; у меня ужъ давно нѣтъ ни отца, ни матери; полторы тысячи душъ, которыя мнѣ послѣ нихъ достались, я продалъ для того, чтобъ получать безъ всякихъ хлопотъ тридцать тысячъ въ годъ вѣрнаго дохода, то-есть у меня шестьсотъ тысячъ рублей лежитъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ. Говорятъ, будто бы я не дуракъ; есть даже люди, которые увѣряютъ, что я уменъ; но я плохо имъ вѣрю: я такъ много дѣлалъ глупостей въ жизни! — Наружность моя... вотъ тутъ я ужъ не знаю, что и сказать! Самому себя хвалить стыдно, а не похвалить — нельзя. Представьте себѣ... иль нѣтъ! позвольте лучше повторить слова двухъ дамъ, изъ которыхъ первая, говоря обо мнѣ съ пріятелемъ моимъ Бурминымъ, сказала: „Надобно признаться, этотъ Завольскій весьма красивый и видный мужчина; у него такой благородный видъ, такая прекрасная манера! Жаль только, что этотъ молодой человѣкъ такъ задумчивъ и разсѣянъ. Ну, повѣрите ли? онъ никогда не помнитъ козырей, когда играетъ со мною въ бостонъ!“ — Другая барыня, помоложе первой, также при Бурминѣ, говорила вполголоса своей пріятельницѣ: „Какъ хорошъ этотъ Завольскій! Какое выразительное лицо! какіе огненные голубые глаза! какая милая улыбка! Какъ

жаль, что онъ не любитъ танцовать; а если танцуетъ, то ужъ вѣрно перепутаетъ всѣ фигуры“.

Одна чистая похвала, безъ всякой примѣси злословія, всегда намъ кажется подозрительною; но я надѣюсь, что читатели не назовутъ этихъ похвалъ безусловными и слѣдовательно повѣрятъ, что я, точно, молодой человекъ весьма пріятной наружности. Главною чертою моего характера была какая-то мечтательность, которая всегда мѣшала мнѣ наслаждаться спокойно настоящимъ; я строилъ безпрестанно воздушные замки, одинъ другого прекраснѣе; я видѣлъ себя счастливымъ только въ будущемъ; мнѣ было весело только тамъ, гдѣ я еще не былъ; однимъ словомъ, никто не напоминалъ такъ часто, какъ я, русскую пословицу: „Тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ“. Однажды, смотря оперу „Князь Невидимка“, до я того плѣнился декораціей, которая представляетъ замокъ черныхъ рыцарей, что началъ бредить Средними вѣками. „Боже мой!.. — думалъ я, — какъ прекрасны эти огромныя башни съ узенькими окнами, эти подъемные мосты, опускающія желѣзныя рѣшетки! Сколько поэзіи въ этой полуразбойничьей жизни феодальныхъ бароновъ Германіи! Ёду на Рейнъ! Поживу хоть нѣсколько мѣсяцевъ въ одномъ изъ рыцарскихъ замковъ, которыми унизаны его берега!“ Съ деньгами все возможно: я отправился, пріѣхалъ, разочаровался, и чрезъ мѣсяцъ поскакалъ назадъ въ Петербургъ съ твердымъ намѣреніемъ ѣхать на Востокъ, чтобъ полюбоваться этимъ роскошнымъ Кашемиромъ, въ которомъ круглый годъ цвѣтутъ розы и царствуетъ вѣчная весна.

Ну, вотъ мы съ вами и познакомились, любезные читатели; только не забудьте, что вы знаете не теперешняго Владиміра Завольскаго, который носитъ парикъ, фланелевую фуфайку и плисовые сапоги... нѣтъ, этотъ старикъ ужъ не мечтаетъ, не строитъ воздушныхъ замковъ, а любитъ поговорить, поразсказать о быломъ, и очень будетъ радъ, если не усыпитъ васъ сво-

ею болтовнею. Теперь, кажется, мы можем выѣхать изъ Гагаринской пристани.

— Куда прикажете, ваше благородіе? — спросилъ рулевой, обращаясь къ Бурмину.

— На Крестовскій! Да смотри держись фарватера: я берегомъ плыть не люблю.

Всѣ шесть гребцовъ, разомъ какъ одинъ, припали впередъ, понатужились, зачерпнули, вода хлынула съ весель, закипѣла подъ катеромъ, и онъ вылетѣлъ на средину рѣки. Если вы бывали лѣтомъ въ Петербургѣ, то безъ всякаго сомнѣнія, переѣзжали черезъ Неву, и слѣдовательно любовались, дивились и даже приходили въ восторгъ, смотря на эту огромную панораму широкой Невы, съ ея гранитными берегами и великолѣпными палатами.

— Каковъ, братецъ, видъ?—сказалъ Бурминъ, когда мы выѣхали на средину рѣки.—Фу ты, батюшки! Куда ни обернись, вотъ такъ глаза и разбѣгаются!..—Тише, ребята!.. Тише,—не торопись!—Вотъ, говорятъ, можно ко всему приглядѣться—неправда! Мнѣ кажется, я въ сотый разъ люблюсь этимъ видомъ.

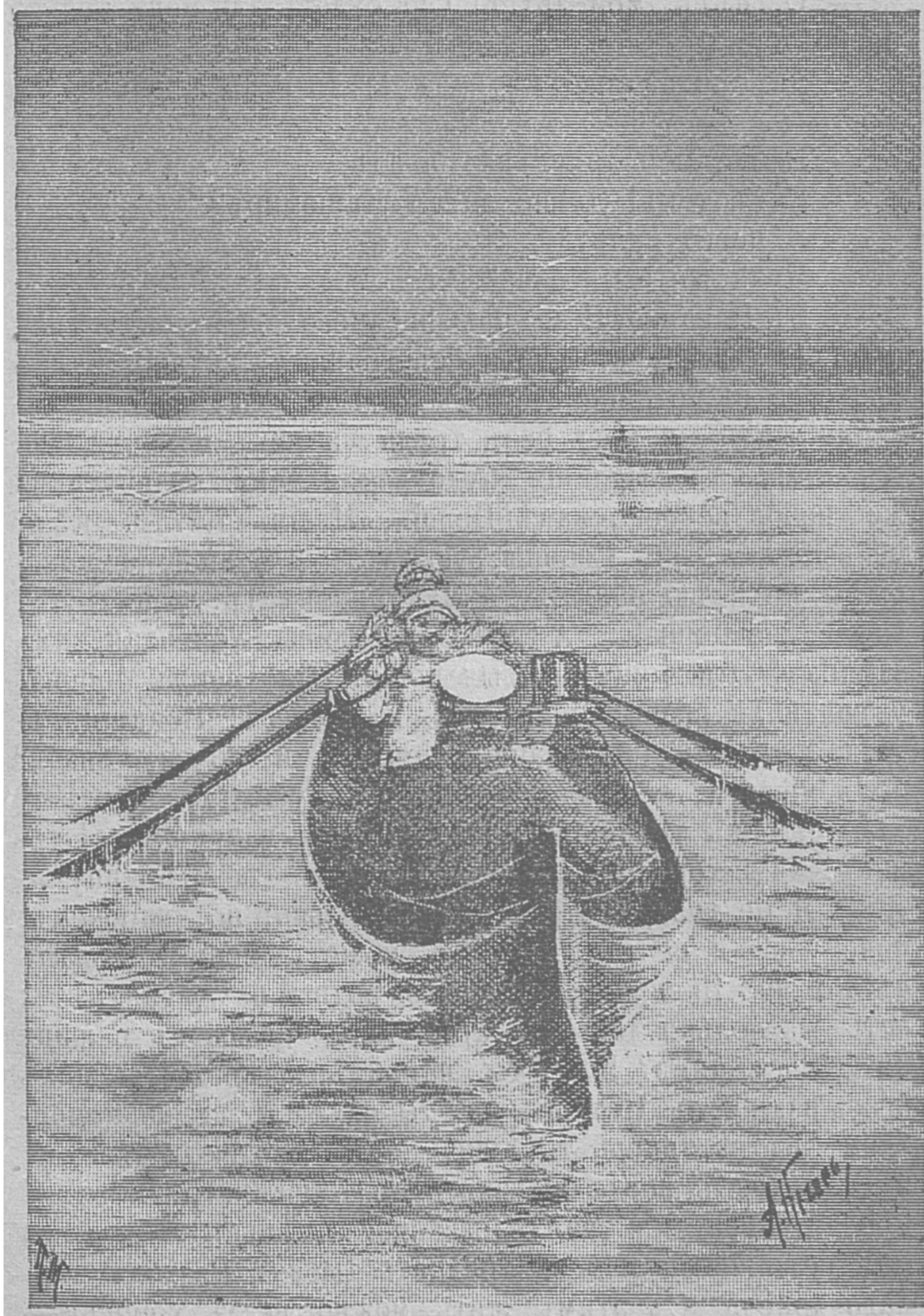
— Полно, Бурминъ,—сказалъ я,—ну что тутъ диковиннаго?—Вотъ если бъ мы были въ Венеціи...

— Я знаю Венецію, мой другъ, и могу тебя увѣрить, ты не увидишь тамъ ничего, что было бы такъ живописно и такъ грандіозно, какъ то, что теперь у насъ передъ глазами.

— Да что у насъ передъ глазами? Рѣка какъ рѣка, дома какъ дома; все это пошло, обыкновенно и все мнѣ до смерти надоѣло. Какъ я радъ, что скоро отсюда уѣду!

— А ты рѣшительно ѣдешь?

— Завтра, чѣмъ свѣтъ. Да, мой другъ! скорѣй, скорѣй изъ этого чопорнаго, холоднаго Петербурга! Я увѣренъ, старушка Москва будетъ для меня гораздо сноснѣе.

— А ты ѣдешь на житье въ Москву?

— О, нѣтъ, мой другъ! Она будетъ для меня только перепутьемъ.

— Да, бишь! совсѣмъ забылъ: ты отправляешься на Востокъ.

— Нѣтъ, мой другъ на Западъ.

— Какъ такъ! Давно ли? А Кашемиръ?

— Я передумалъ.

— Куда же ты ѣдешь?

— Въ Испанію. Я не знаю ни одного восточнаго языка, а вѣчно таскать съ собою переводчика—скучно. Чтобъ прочесть въ подлинникъ Донъ-Кихота, я выучился испанскому языку, и могу безъ труда на немъ изъясняться. Къ тому жъ, Испанія будетъ для меня точно такой же новой землею, какъ Персія, Индія, Китай, и я, не выѣзжая изъ Европы, увижу тьму вещей, о которыхъ не имѣю понятія. А какой климатъ, мой другъ! Какія женщины!.. А эти развалины мавританскихъ замковъ! Эти померанцевыя рощи! Эта Сіерра-Морена, увѣнчанная розмариномъ!.. О, я увѣренъ, Испанія будетъ для меня обѣтованной землею; и почему знать? быть можетъ, я навсегда тамъ останусь.

— Что ты говоришь, Владиміръ, — вскричалъ Бурминъ.—Ты хочешь навсегда покинуть свою родину?

— Я не говорю этого утвердительно; но, впрочемъ, почему же и не такъ? И что можетъ меня удержать въ Россіи? Я сирота, близкихъ родныхъ у меня нѣтъ; есть нѣсколько добрыхъ пріятелей—да развѣ я живу вмѣстѣ съ ними? Вотъ ты, напримѣръ, когда я жилъ безвыѣздно въ Петербургѣ, ты служилъ въ черноморскомъ флотѣ, теперь ты здѣсь—такъ я отсюда уѣзжаю, и Богъ вѣсть, когда мы опять съ тобою встрѣтимся! Я продалъ все мое наслѣдственное имѣнье; заботиться мнѣ не о чемъ: у меня тридцать тысячъ въ годъ вѣрнаго дохода. Съ этимъ жить можно вездѣ хорошо,—выключая Англію, въ которой платятъ за скуку въ десять

разъ дороже, чѣмъ у насъ Россіи, гдѣ она нипочемъ. Да кто велитъ мнѣ ѣхать въ Англію? По-моему, если тратить деньги, такъ ужъ тамъ, гдѣ мнѣ будетъ весело пли, по крайней мѣрѣ, тепло.

— Гдѣ жъ ты будешь жить? Въ Мадридѣ?

— Избави, Господи! Мнѣ всѣ большіе города до того надоѣли, что я скорѣй соглашусь жить въ какой-нибудь Барабинской степи, чѣмъ въ столичномъ городѣ. Нѣтъ, мой другъ, я проберусь въ Андалузію.

— Вотъ что?—Такъ ты будешь жить въ Севильѣ или Гренадѣ?

— Помилуй, что за радость! — Севилья — столица Андалузіи, Гренада была также когда-то столицею мавровъ; и я ужъ тебѣ сказалъ, что терпѣть не могу большихъ городовъ.

— Да неужели ты ѣдешь въ чужіе края для того, чтобы жить въ деревнѣ?

— А вотъ послушай, Бурминъ: на этихъ дняхъ я обѣдалъ съ однимъ англичаниномъ, который объѣздилъ всю Испанію; вотъ что онъ мнѣ рассказывалъ: недалеко отъ Гренады, на самомъ берегу моря, есть небольшой городокъ Алмерія. Ты, конечно, знаешь, что, по мнѣнію древнихъ поэтовъ, знаменитые сады Гесперидскіе были въ нынѣшней Андалузіи. Если вѣрить англичанину, то эти сады, съ своими золотыми яблоками и вѣчной зеленью, до сихъ поръ еще окружаютъ счастливую Алмерію. Никакая волшебная сказка изъ „Тысячи одной ночи“ не можетъ дать понятія объ этой роскошной природѣ, объ этомъ ароматическомъ благоухающемъ воздухѣ и неизъяснимой красотѣ этихъ вѣчно-цвѣтущихъ померанцевыхъ рощей. Когда подъѣзжаешь къ Алмеріи, то кажется, какъ будто бы она тонетъ среди зелени своихъ обширныхъ садовъ. Каждую ночь морской вѣтеръ освѣжаетъ воздухъ. Въ каникулы, когда въ Гренадѣ задыхаются отъ жару и днемъ не смѣютъ выходить на улицу, въ Алмеріи дышатъ прохладою и

сидять на открытомъ воздухѣ. Небольшая, но красивая рѣка течетъ городомъ, и нѣсколько ручьевъ, чистыхъ, какъ хрусталь, холодныхъ, какъ ледъ, вьются по лугамъ и рощамъ, потомъ, прокрадываясь садами, вливаются шумными каскадами въ рѣку, и даже во многихъ мѣстахъ журчатъ подъ окнами домовъ. Джонъ-Буль, который мнѣ все это рассказывалъ, не могъ нахвалиться ласковымъ обхожденіемъ жителей Алмеріи, въ которой онъ пробылъ недѣли три. Онъ говорилъ, что въ жизнь свою не встрѣчалъ нигдѣ такихъ радушныхъ и гостепріимныхъ людей; а женщины... О, мой другъ! о нихъ англичанинъ и теперь не можетъ вспомнить безъ восторга! Черные, пламенные глаза, отъ которыхъ сошелъ бы съ ума весь Петербургъ, встрѣчаются на каждомъ шагу. Шнуровокъ тамъ не знаютъ, потому что каждая женщина создана такъ, что ужъ тутъ нечего дѣлать никакой корсетницѣ. А какія ножки!.. Какъ эти воздушныя испанки танцуютъ фанданго и болеро!.. Мой рассказчикъ хотѣлъ было мнѣ описать эти танцы, да, видно, словъ не достало; я же съ нимъ говорилъ по-французски, — ужъ онъ коверкалъ, коверкалъ языкъ, шипѣлъ, свисталъ, кричалъ безпрестанно *iodдемъ*—и такъ часто подливалъ себѣ въ стаканъ рому, что, не окончивъ своего разсказа, свалился подъ столъ и захрапѣлъ какъ удушенный.

— Вотъ то-то и есть, мой другъ! — Не валялся ли онъ подъ столомъ и тогда, какъ жилъ въ Алмеріи? Вѣдь старое испанское вино стоитъ рома. Если въ самомъ дѣлѣ онъ каждый день былъ пьянъ, такъ диво ли, что этотъ городишка показался ему земнымъ раемъ?

— Городишка!.. Да почему же городишка?

— Потому, что я видѣлъ эту знаменитую Алмерію.

— Неужели?

— Да, мой другъ! Я былъ тогда еще мичманомъ; мы крейсировали въ Средиземномъ морѣ и заходили въ

Алмерію налиться водою. Такъ! небольшой городокъ; много садовъ—это правда. Я не съѣзжалъ на берегъ и потому не могу тебѣ сказать, у всѣхъ ли тамошнихъ женщинъ большіе глаза и маленькія ножки; но очень помню, что въ этой Алмеріи ключевая вода совсѣмъ не походитъ на хрусталь, и что мы вовсе не дышали прохладою, хотя это было не въ Петровен, а въ первыхъ числахъ апрѣля, слѣдовательно, въ самомъ началѣ весны.

— Полно, Бурминъ! Ты готовъ изъ своего смѣшного патріотизма спорить, что у насъ въ Россіи климатъ, лучше, чѣмъ въ Испаніи.

— А что ты думаешь? У всякаго свой вкусъ. Вотъ я, напримѣръ, для меня нашъ русскій холодъ несравненно сноснѣй африканскаго жару; а вѣдь твоя хваленая Алмерія почти въ Африкѣ.

— Что за дѣло! Избытокъ тепла то же, что избытокъ жизни; объ этомъ еще горевать нечего. Спроси у старика, гдѣ ему привольнѣе, на солнышкѣ или въ тѣни? Нѣтъ, мой другъ! жаръ не бѣда; вотъ худо, когда солнце-то не грѣетъ, а у насъ это бываетъ частехонько не только весною, но даже лѣтомъ.

— Однакожъ, надѣюсь, на сегодня?

— Одинъ день не въ счетъ. Да я еще не поручусь за сегодняшній вечеръ: вдругъ потянетъ съ Выборгской стороны, и мы, прежде чѣмъ выйдемъ на Крестовскій островъ, успѣемъ продрогнуть до костей.

— Да ты ужъ не колдунъ ли, братецъ?—прервалъ Бурминъ.—Въ самомъ дѣлѣ что-то становится гораздо свѣжѣе.

— Вѣтеръ перемѣнился, ваше благородіе,—сказалъ рулевой матросъ.

Свѣтлая Нева нахмурилась, потемнѣла, и съ Ладожскаго озера пахнулъ такой прохладный вѣтерокъ, что мы съ Бурминымъ тотчасъ застегнулись на всѣ пуговицы.

— Вотъ онъ!—вскричалъ я, пожимаясь невольно. — О, милый зефиръ моей родины, я чувствую тебя!

— И я начинаю его чувствовать, — сказалъ Бурминъ.—Эхъ, досадно! шинелей-то мы съ собою не взяли.

— Да! Вотъ этотъ офицеръ догадливъе насъ,—прервалъ я, указывая на яликъ, который плылъ шагахъ въ десяти за нашимъ катеромъ. Въ немъ сидѣлъ молодой человѣкъ въ треугольной шляпѣ и въ форменной шинели съ зеленымъ воротникомъ.

— Э!—вскричалъ Бурминъ,—да это, кажется, капитанъ-лейтенантъ Красноярскій!.. Да, точно, онъ!.. Вотъ, братецъ, чудакъ!

— А что?

— Престранный человѣкъ! Честный, благородный малый, отличный офицеръ; но такой нелюдимъ, что и сказать нельзя — подчасъ отъ него двухъ словъ не добьешься. Онъ и прежде былъ не слишкомъ веселаго характера, а какъ съѣздилъ въ Москву, такъ теперь къ нему вовсе приступу нѣтъ. Я слышалъ мимоходомъ, что будто бы онъ тамъ влюбился, посватался, что ему отказали...

— Бѣдняжка! Со мной такой бѣды не случилось, а думаю, что это должно быть вовсе не забавно.

— Да такъ-то незабавно, Владиміръ, что не приведи Господи! Мнѣ также года два тому назадъ забрили затылокъ, такъ я чуть было съ ума не сошелъ; и грустно, и стыдно, и обидно — вовсе рехнулся: на стѣны лѣзу! Насилу, насилу мѣсяца черезъ три опять кой-какъ наладилъ — и то, дай Богъ здоровье роднымъ, ужъ какъ за мной ухаживали — и батюшка, и матушки, и братья!.. А этотъ горемыка Красноярскій — и побаловать-то некому: круглый сирота.

— Такъ же, какъ я?

— Ну, нѣтъ! у тебя шестьсотъ тысячъ въ ломбардѣ, такъ родные будутъ; а Красноярскій человѣкъ небогатый.